

Александр Жолковский

Гамлет с пистолетом¹, или Поэтика повелительности

1. Папа² славился своими остроумиями и розыгрышами. Многие смешные истории, пережитые и рассказанные им, выложены — в его устном исполнении — на Ютубе и у меня на вебсайте³. Некоторые другие я привожу в виньетках и в воспоминаниях о нем⁴. Но эпизод, о котором пойдет речь, кажется, остался незаписанным и непроанализированным.

Где-то на рубеже 30-х годов папа, молодой профессор Московской консерватории, плыл на пароходе (сегодня мы бы сказали, «совершал круиз») по Волге в веселой интеллигентной компании, то ли отправившейся вместе с ним из Москвы, то ли образовавшейся вокруг него по ходу путешествия.

Однажды разговор на палубе зашел о Шекспире, и папа поразил собеседников, заявив, что в нашей стране гамлетовский вопрос решен и решен окончательно, так что ответ известен каждому милиционеру.

— Решен? Как решен? Почему милиционеру? Неужели каждому? — посыпались вопросы.

Папа отвечал, что его тезис легко проверить, поставив соответствующий эксперимент, причем в самых что ни на есть объективных условиях российской глубинки — в ближайшем пункте пароходного маршрута.

Следующей остановкой был, кажется, Саратов. Как только пароход ошвартовался, толпа молодежи во главе с папой устремилась в город и на первой же площади бросилась к стоявшему на перекрестке милиционеру — с криками:

— Быть? Не быть? Быть или не быть? Товарищ милиционер, как по-вашему, быть или не быть?

Как и рассчитывал папа, милиционер, увидев шумную толпу, бегущую к нему через площадь, нарушая правила уличного движения, замахал своим полосатым жезлом и стал повторять, постепенно повышая голос:

— Давайте не будем, товарищи, давайте не будем!.. Давайте не будем!..

-
1. Онлайн доступны разные версии шуточной песенки «Ходит Гамлет с пистолетом», различающиеся, в частности, разными ударениями в слове *Гамлет*, например Александра Волокитина с группой «Последний переулочек» (<https://www.youtube.com/watch?v=qk7KPPH3-QM>; запись 11.12.2002) и Влада Чёрного (<https://www.youtube.com/watch?v=GFaBF5xgCJA>; слова Глеба Ситько «в соавторстве с народом»; в клипе использованы кадры из фильмов Козинцева, Дзефирелли, Майкла Алмерейда, Тома Стоппарда, Джона Мак-Тирнана).
  2. Мой отчим Лев Абрамович Мазель (1907—2000).
  3. См.: *Мазель Л.* Устные рассказы. Съемка Михаила Аркадьева, 1997 (https://www.youtube.com/watch?v=JfOK5j_nVQ&feature=youtu.be); «Фуга» — устная новелла Л.А. Мазеля о борьбе самолюбия в Московской консерватории 1930-х годов; записана А.Е. Петровым (1994), звуковой файл отделан М.А. Аркадьевым (2018) (<https://www.youtube.com/watch?v=jhN2kGTdyWM&feature=youtu.be>).
  4. См.: *Жолковский А.К.* Из воспоминаний (Отмечая 100-летие Л.А. Мазеля) // Музыкальная академия. 2007. № 3. С. 91—100 (<https://dornsife.usc.edu/alexander-zholkovsky/bib189/>); *Он же.* Звезды и немного нервно. М.: Время, 2008. С. 21—54 (<https://dornsife.usc.edu/alexander-zholkovsky/zvezdy-vrem/>); см. также его рассказ «Ессенгуки, 1952»

Так опытным путем был получен совершенно однозначный ответ на гамлетовский вопрос⁵.

Эту историю охотно рассказывал сам папа, а потом пересказывал я, и она неизменно пользовалась успехом у публики, не вызывая никаких вопросов — в том числе у папиных сверстников, свидетелей эпохи. Но вот недавно я поведал ее в обществе своих совсем молодых аспирантов из России и наткнулся на озадаченную реакцию: что-то не работало. Я стал выяснять, что именно, и оказалось, что современным носителям русского языка не знаком идиоматический оборот *давайте не будем*, являвшийся стандартной формулой обращения представителей власти к народу в 30-е годы прошлого века и в последующие десятилетия, включая годы моей юности и зрелости, но теперь, по-видимому, совершенно вышедший из употребления⁶. А поскольку именно фразеологическая устойчивость и, значит, высокая предсказуемость этого оборота лежит в основе рассматриваемого хешпенинга, образуя его, так сказать, замковый камень⁷, то без нее неизбежно рухнет все здание.

Замечу, кстати, что в прошлое сегодня ушел не только этот фразеологизм, но до какой-то степени и самый институт *милиции*, почти десяток лет назад (в 2011 году) мутировавшей (правда, в основном, вербально) в *полицию*. Так что перипетии вокруг ответа на гамлетовский вопрос образца 1930 года — все эти *слова, слова, слова* — покрылись почти непроницаемой патиной времени.

2. Немножко поскребем ее и попробуем наметить схему порождения папиного перформанса. За отправную точку можно взять гамлетовское *Быть или не быть*, а можно милицейское *Давайте не будем*.

Две эти идиомы очевидным образом связывает общий компонент — *to be / быть*. Однако в одном случае это полнозначная лексема — главный бытий-

---

(<https://dornsife.usc.edu/alexander-zholkovsky/mazel>) и мой разбор (<https://dornsife.usc.edu/alexander-zholkovsky/mazlt126>).

5 До рождения Дмитрия Александровича Пригова (1940—2007) оставался еще десяток лет, до создания им «Апофеоза милицанера» (1978) — полвека (см.: <http://modernpoetry.ru/main/dmitriy-prigov-apofeoz-milicanera>).

6 О тогдашней популярности этой формулы свидетельствует ее попадание в заголовки двух более или менее одновременных эстрадных программ: ленинградского капустника, или устного альманаха, «Давайте не будем», написанного и поставленного Ю.И. Рестом-Шаро (1907—1984) во второй половине 30-х гг. в театрике при ленинградском Доме писателей (со вступительным словом перед спектаклями выступал Евгений Шварц; см.: *Шварц Е.Л.* Телефонная книжка. М.: Искусство, 1997. С. 386—387, 609); и одноименного капустника, разыгранного в апреле 1939 года третьекурсниками Киевского театрального института Е.И. Березиным (1919—2004; сценический псевдоним Штепсель) и Ю.Т. Тимошенко (1919—1986; псевдоним Тарапунька); эта программа была привезена в Москву на I Всесоюзный конкурс артистов эстрады, где заняла первое место, в частности благодаря диалогам опытного театрального осветителя (Березина) с наивным сельским милиционером (Тимошенко). Театрализованной устной альманах под тем же названием выпускался И.М. Метгером (1909—1996) и А.А. Хазинным (1912—1976) в Ленинграде в годы оттепели (<https://peoplelife.ru/305285>). А в кинокомедии «Три плюс два» (1963) режиссера Генриха Оганесяна есть реплика, ставшая мемом (и попадающая в викицитатники):

Каждой женщине свойственны черты милиционера. Сначала она говорит: «Давайте не будем!», а потом: «Следуйте за мной!»

7 Такова в нашей с Ю.К. Щегловым «поэтике выразительности» (во многом наследовавшей идеям Л.А. Мазеля) роль всякого рода «готовых предметов» в мотивировке/натурализации рискованных художественных построений.

ственный глагол английского, русского и большинства других языков, а в другом — глагол вспомогательный, чисто служебная, фразеологически прихотливая тень первого⁸. Их приравнивание представляет собой смелый переносный ход — троп, известный под названием «каламбур».

Действительно, соль всякого каламбура как раз и состоит в соотношении двух очень далеких друг от друга сем, соотношении, которое формально поддается случайным совпадением означающих, а содержательно оправдывается неожиданной связностью возникающей смысловой конструкции. В результате парадоксальное утверждение предстает одновременно и убедительным (мотивированным, натурализованным), и сугубо условным, шуточным, игровым (ибо мотивированным лишь словесно).

Именно таков сюжет, в который вместе с принцем датским вовлекается провинциальный советский постовой, гамлетовскими и вообще какими бы то ни было философскими вопросами вряд ли замораживающийся, свою реплику выпаливающий, явно не задумываясь и тем откровеннее выдавая автоматическую репрессивность своей должности и олицетворяемой ею власти.

Сведению двух идиоматических оборотов в единое построение способствует также модальный, то есть виртуальный, нереальный, статус обоих высказываний.

У Гамлета это, прежде всего,

- сам вопросительный формат, а также
- инфинитивность, несущая идею «желательности, долженствования, проблематичности»,
- альтернативность, вносимая союзом *или*,
- и философская метадистанция между говорящим и рассматриваемой проблемой, поданной в косвенной форме и потому без вопросительного знака: *To be or not to be: that is the question* («Быть или не быть — вот в чем вопрос»).

Реплика же милиционера виртуальна уже потому, что выдержана в императиве.

Соотнеся в том или ином порядке эти два высказывания друг с другом, мы получаем эффектную — по форме и по сути — каламбурную пару Вопрос-Ответ, а дальше либо разыгрываем, либо воображаем (и в любом случае потом пересказываем) эту небольшую экзистенциальную пьесу, запускаемую одной идиомой — классической шекспировской, а завершаемую другой — актуальной советской. При этом, если гамлетовская фраза в основном лирична, медитативна, поскольку произносящий ее сосредоточен на себе⁹, то милицейская, на-

8 Так, в более или менее адекватном, хотя, конечно, не идиоматичном, переводе нашей милицейской формулы на английский (типа: *Comrades, let us not [do it]* или *Comrades, let me insist you wouldn't [do it]*) глагол *to be* не нужен, но может — «теневым» образом — и присутствовать (*Comrades, let's not be [doing that!]*).

Любопытно, что формы *быть* и *to be* восходят к иному индоевропейскому корню, нежели *будем*, родственное таким словам, как *будить* и *бодрствовать* и — *Будда*. А это значит, что наш главный глагол *БЫЛ/ ЕСТЬ/ БУДЕТ* оказывается супплетивным не только ввиду очевидной разницы между первым и вторым членами триады, но еще и благодаря совершенно стершейся в сознании современного носителя языка глубинно-этимологической разнице между первым и третьим (фигурирующими в нашем сюжете).

9 По-русски мы говорим о *монологе* Гамлета, но по-английски это не *monologue*, то есть длинная реплика, обращенная к кому-то, а *soliloquy*, произносимое в одиночестве.

против, принципиально драматична, сценична, ибо предполагает минимум двух действующих лиц — как то и свойственно императивам.

Драматический потенциал повеления вытекает из его сущности: словесной попытки одного из участников акта коммуникации продиктовать поведение другого. В какой-то мере этот речевой акт является перформативным, поскольку, произнося императив, говорящий меняет реальную ситуацию: ставит себя в позицию отдавшего повеление и ожидающего от собеседника его исполнения. Но поскольку самим произнесением императива такое исполнение отнюдь не осуществляется¹⁰, да и не гарантируется, постольку реальные последствия отдачи повеления остаются открытыми. Диапазон складывающихся возможностей определяется двумя полюсами: с одной стороны, повелевающий заинтересован в неукоснительности исполнения, с другой, сознавая его проблематичность, склонен вуалировать жесткость своей позиции.

3. Этой двойственностью установок объясняется тяготение подобных ситуаций к иносказательности — переносному употреблению слов, фигурам речи, тропам. Одновременно и как бы отдается приказ, и делается вид, что это, собственно, не приказ, а так, информация к сведению. Для этого откровенная повелительность заменяется всякого рода косвенными побуждениями, держащимися в пределах изъявительного или, в крайнем случае, сослагательного наклонения.

Недвусмысленно прямые императивы — это формы повелительного наклонения (*стой; иди; садись; проходите; пойдете; пусть он съездит*) или выступающие в той же роли инфинитивы (*встать; сидеть; разойтись; взять его*). В некоторых устойчивых оборотах самый глагол опускается, но категоричность повеления остается вписанной — фразеологически, контекстно и интонационно — в остальную часть формулы (*бегом; назад; марш; руки вверх; левой, левой*). Но широк ассортимент переносных побуждений, строящихся на игре соответствующих грамматических категорий.

Распространенный случай, хорошо известный из теории речевых актов, — объективное, в изъявительном наклонении, то есть в типично констативном, а не перформативном модусе речи, описание ситуации, призванное ненавязчиво подтолкнуть собеседника к желательному для говорящего действию.

Таковы, например, слова, обращаемые к слуге (или иному зависимому партнеру): *Что-то сегодня холодно*, — с целью побудить его, угадав не высказанное прямо желание хозяина, совершить нужное тому действие: в зависимости от контекста разжечь камин, принести теплые туфли, подать шубу и шапку...

Известны и типовые приемы подрыва подобной игры в лукавую имплицитность повелений.

Таковы формально корректные, но подчеркнуто неисполнительные ответы на наводящие вопросы — типа: *Не знаете ли вы, который час? — Знаю. — Не можете ли сказать мне? — Могу...* и т. д.

10 Не осуществляется — в отличие от того, что происходит в случае классических перформативов, когда (по Дж.Л. Остину) уже само официальное словесное объявление брачующихся мужем и женой реально делает их таковыми.

Вспоминается остроумный ответ одного студента-филолога¹¹ на подразумеваемую просьбу другого закрыть окно (в холодном помещении во время поездки в колхоз на картошку):

— Тебе не кажется, что из окна сильно **дует?** — *Do it yourself!*

Ответ не только каламбурный, но и билингвальный, причем в филологически шикарную иноязычную форму облечено именно обнажение повелительности, обратной прилетающее к любителю дипломатичных иносказаний¹².

Или вот другая история, тоже немного макароническая. Ее рассказал мне, насколько помню, Игорь Мельчук, в свое время подслушавший разговоры пленных немцев, занятых в Москве на каких-то ремонтных или строительных работах под началом русского прораба.

Прораб не очень владел немецким, но как-то они понимали друг друга. Во всяком случае, немцы твердо выучили русскую формулу, означавшую объявление прорабом обеденного перерыва, — перформатив, которым производился переход от работы к отдыху и трапезе. Но как-то раз прораб все тянул с долгожданным объявлением, это продолжалось уже долго, и тогда немец, игравший роль десятника, любитель порядка, обратился к прорабу с небольшой дипломатической тирадой:

— *Ist es nicht gerade Zeit, Herr Kommandant, «Job tvoju mat'» zu sagen?* (в буквальном переводе: «Не подошло ли, пожалуйста, время, господин начальник, сказать: «Ё. твою мать!»?)

Всех извивов этой витиеватой фразы прораб, возможно, не понял, но ключевую формулу, конечно, опознал и ритуальную отмашку на обеденный перерыв дал.

4. Русский язык располагает богатым репертуаром грамматических тропов — конструкций, в которых одна форма переносно употребляется вместо другой:

*Юлия Цезаря **окружают** заговорщики, и впоследствии у него **насчитают** более двадцати ран; **Выхожу** я вчера из дома и **вижу**...; Бывало, не **заснешь**, если в комнату **ворвется** муха или **заскребет** мышонok в углу* (наст. и буд. вр. — в значении прош.).

*Завтра мы **идём** в театр; Летом я **еду** в Крым* (наст. в роли буд.).

*Ни одна ветка не **шелохнется**, лишь иногда птица **вспорхнёт** из кустов* (буд. в роли наст.).

11 Насколько я знаю, это был А.Е. Сумеркин (1943—2006).

12 Эффектным каламбуром — контрапунктом перформатива и констатива — венчается в фильме Мартина Бреста «Успеть до полуночи» («Midnight Run», 1988) соперничество героя (Роберта де Ниро) с его давним врагом-мафиози, в свое время выгнавшим его из полиции. Организовав арест мафиози федеральными агентами, герой говорит ему: «И еще кое-что, что я вот уже десять лет хочу вам сказать... Вы арестованы (You are under arrest)». В буквальном смысле это констатация того факта, что собеседник находится под арестом. Но это и стандартный перформатив, производящий арест. Именно в таком смысле герой давно хотел озвучить заветную формулу — его мечтой было самому арестовать гангстера. Это ему не удается: с одной стороны, гангстер таки да арестован, герой таки да сыграл в этом ключевую роль, и он таки да мстительно подает желанную реплику, а с другой, все-таки арестовывает мафиози не он, ибо он в должности полицейского не восстановлен, так что перформативной силы его слова не имеют (см.: Жолковский А. Магия слова, или Кто кого // Звезда. 2009. № 12. С. 223—225).

В занимающей нас императивной сфере примечателен грамматический троп, формулирующий побуждение, то есть нечто, по определению нацеленное на будущее, в совершенном виде прошедшего времени, то есть как нечто уже свершившееся, так сказать, не допуская и мысли об ином развитии событий. В зависимости от контекста и интонации эта побудительная форма может звучать мягко, поощрительно, ср.:

*Так, **открыл** ротик, деточка, **показал** язычок (врач — осматриваемому ребенку).*

*Ну, ребятки, ручками **похлопали**, ножками **потопали** и **побежали, побежали!** (воспитательница в детском саду).*

***Пошли, девочки!** (запомнившаяся из какого-то советского фильма команда руководительницы женского ансамбля своим танцовщицам).*

А может — предельно жестко и унизительно, ср. обращения следователей и тюремщиков к заключенным, знакомые по множеству детективных сериалов:

*Так, **встали** лицом к стене!*

*Ноги **раздвинул!***

*Мне в глаза **посмотрела!***

Все эти побуждения в прош. вр. сов. вида восходят к аналогичным, но менее жестким и, собственно, не императивным, хотя в той или иной степени модальным, переносным употреблениям форм прош. вр. Ср.:

*Ну, я **пошёл**, до завтра; Я **поехала** с вещами, а ты **приберешь** квартиру.*

*Если он не **придет**, мы **погибли**.*

*Так я тебе и **дал** книжку!*

А в широком плане они опираются на категорию сослагательного наклонения, в русском языке использующего формы прош. вр. (в сочетании с частицей *бы*):

*Полагаю, что это невозможно, как **бы** ты этого ни **хотел!***

*Как **было бы** чудесно, если **бы** здесь **разбили** скверик.*

*Если **бы** да кабы, да во рту **росли** грибы!*

При соответствующих условиях сослагательные формы с *бы* легко обращаются в имплицитные побуждения, ср.:

***Было бы** неплохо, если **бы** ты **съездил** туда завтра.*

*Я **бы** **попросил** вас этого не **делать**.*

*Хорошо **бы** вам всерьез над этим **подумать**.*

Все это известные факты русской грамматики. Но один тип побудительных тропов, кажется, до сих пор не попал в поле внимания лингвистов — это употребление наст. вр. гипнотизером, навязывающим свою волю гипнотизируемому, ср.:

*Вы **лежите** неподвижно. Ваши глаза **слипаются**, вы **спите**. Вы **переноситесь** в детство. Вы **идете** по улице, вы **видите** то-то и то-то. Вы **просыпаетесь**.*

Возможно, в грамматический репертуар русского языка стоит ввести особое гипнотическое наклонение...

5. Но вернемся к нашему хеппенингу и вчитаемся в повелительную формулу, примененную типовым милиционером 30-х годов.

Она, по определению, диалогична: обращена одним лицом, 1-м, к другому, 2-му, причем множественному (*давайте...*), то есть к целой группе лиц, в данном случае — к массовке, предусмотрительно прописанной папиным сценарием.

Она отчетливо негативна: это побуждение не к действию, а к воздержанию от него.

Она скрыто эллиптична: в ней опущен инфинитив того глагола, которым описывалось бы нежелательное и потому пресекаемое действие (*не будем что — скапливаться? шуметь? нарушать? безобразничать?*).

Она подчеркнута некатегорична, вежлива, уважительна — благодаря «совместности» конструкции: *давайТЕ не будем* (ср. возможный более резкий вариант: *давайТЕ-КА ВЫ не будЕТЕ [нарушать]*). На обнажении ложной — сугубо переносной — «совместности» подобных императивов строится целая главак бестселлера конца 30-х годов, программно озаглавленная: «Давайте останемся»¹³.

Каков же кумулятивный эффект этих свойств?

Диалогизм располагает к театральной динамике и ставит неизбежный для всякой властной ситуации (а чего еще ожидать от повелительности?) вопрос: «кто кого?», разумеется, решаемый властью в свою пользу.

Негативность реализует естественную установку власти на стабильность, поддержание порядка, сохранение статус-кво.

Благодаря эллипсису «нежелательного» инфинитива на самое видное место выносится вспомогательный глагол (*будем*), получающий тем самым возможность на равных правах вступить в каламбурную игру с полнозначно бытийственным предикатом гамлетовского монолога (*быть*).

---

13 Это эпизод с посадкой древнего волшебника в переполненный московский автобус:

Уже... Хоттабыч занёс ногу на подножку <...> когда из раскрытого окошка высунулся кондуктор и **властным** голосом произнёс:

— Граждане, мест больше нет! <...> — [С]пециально для старичка в канотье [он] добавил: — **Давайте останемся**, гражданин! — Старичок... убрал ногу с подножки <...>: — Если тебе это доставит удовольствие, о, господин мой, то я это только сочту за честь <...>

Кондуктор... вдруг совершенно непонятным образом очутился на мостовой рядом с... стариком в канотье и с ошарашенным видом проводил глазами автобус <...> [Вскоре он] с пронзительными воплями ринулся вслед за своей осиротевшей машиной <...>

— Странный... человек этот кондуктор! <...> Он сам... **предложил мне: «Давайте останемся»**. Меня порадовали... сердечность и доброта человека, предложившего мне своё общество, чтобы мне легче было скоротать время до следующего автобуса. Но стоило... ему очутиться рядом со мной... как он уже передумал, оставил меня в одиночестве <...>

— **Он вовсе и не собирался оставаться с тобой** на мостовой, — попытался Волька разъяснить старику. — **Он сказал тебе «давайте останемся» в том смысле, что останешься только ты, а он уедет.**

<...> Хоттабыч... недружелюбно посмотрел в сторону кондуктора и жёстко сказал:

— Теперь для меня окончательно стало ясно, что это не только странный, но и **очень неискренний** человек (*Лагин Л. Старик Хоттабыч. М.: Детиздат, 1938* (http://oskazkax.ru/read/autor/lagin/5016-starik_hottabych_41.html)).

Как эллиптичность, так и некатегоричность придают неоспоримому торжеству власти смягченный, увещательный — а не карательный — характер.

В том же направлении, в сущности, работает и негативность, смазывающая конкретность повеления (для сравнения представим себе «позитивные» и тем самым более «репрессивные/агрессивные» варианты типа: *Стоять! Разойдись! Все назад! Марш на тротуар! А ну-ка, покинули проезжую часть!*).

Так что в целом картинка предстает почти идиллической. Особенно если вспомнить, что в те времена постовые были одеты в ангельски белую форму (хотя, конечно, в темные галифе и сапоги, с темными ремнями и кобурой).

Михаил Кожемякин. Живой журнал
(<https://m1kozhenyakin.livejournal.com/103796.html>)

Вообще, милиция позиционировала себя как друг человека, — вспомним хотя бы знаменитую строчку Маяковского: *Моя / милиция / меня / бережет*. Или задумаемся в троп (опять троп!), которым, по сути, являлось название этого института: *милиция*. Будучи на деле полицией, облеченной правом принуждать нарушителей порядка к повиновению, соответственно вооруженной и одетой в специальную военного типа форму со знаками различия и т. д., эта организация называлась *милицией*, то есть как бы добровольным ополчением граждан, готовых встать на защиту свобод, добытых в ходе революции¹⁴.

14 Ср. появление в Римской империи солдат-христиан, которые не должны были убивать; потом на Западе монашеские ордена также назывались «милиция Христова». В Парижской коммуне была создана «национальная милиция, защищающая граждан от власти, вместо постоянной армии, которая защищает власть от граждан». А у нас после Февральской революции царская полиция была заменена милицией, занятой именно охраной порядка, а не защитой власти. Смысл переименования заключался в стремлении избавиться от определения маркизом де Кюстином русской

Игриво позволительным — рискованным, но, ввиду своей легкомысленной каламбурности, чисто фигуральным — предстает и весь описанный хешпенинг в целом.

Tropes, tropes, tropes.

За замечания и подсказки автор признателен Михаилу Безродному, И.А. Мельчуку, И.А. Пильщикову, А.А. Раскиной и Н.Ю. Чалисовой.

полиции как ведомства, занятого сокрытием преступлений вместо их профилактики и расследования, в возвращении к раннехристианскому определению милиции как службы рыцарей, ведущих войну с преступностью, и в признании факта, что полицейское право должно проводиться в жизнь не закрытой кастой, а всем народом. Впрочем, уже летняя форма нижнего чина царской полиции, городского, была белой (см. хотя бы статью «Милиция» в Википедии).